

Геннадий Разумов

Космический маяк

«З-С» Фантастика №2, 2007

Это случилось много лет назад. Я работал тогда в геофизическом отряде одной большой геологической экспедиции. В тот день меня в одиночку послали на предварительное обследование нового объекта, весьма ком-

пактного. Я довольно быстро закончил дела и пораньше отправился домой. Обрато решил поехать другим, незнакомым, но, как мне казалось, более коротким путем.

Нагруженный приборами старень-

кий узик, грохоча кузовом, медленно катил по разбитой, пыльной дороге. Этого потрепанного временем и ухабами пенсионера неоднократно собирались отправить на свалку, но каждый раз его спасал безотказный почти безремонтно работавший двигатель-должитель.

Вот почему я так удивился, что на сей раз мотор вдруг захрипел, чихнул и умолк. «Может, перегрелся?» — подумал я, подергал ключ зажигания, покрутил стартер, потом открыл дверь и спрыгнул на дорогу. И тут же сразу почувствовал что-то неладное. Огляделся. Вокруг широким покрывалом желтела пожухлая степь, еще не начавшая отдыхать от жестокого дневного пекла. Вниз к горизонту уплывало оранжеватое солнце, а ему навстречу поднимался бледный оттиск полумесяца. Ничего необычного глаз не отмечал, но всем своим существом я ощущал сильный наплыв какого-то странного излучения. Откуда оно шло? Я нагнулся, положил ладони на еще горячую суглинистую землю, и мои пальцы вздрогнули, как будто их ударило электрическим током.

Вообще-то я рано открыл в себе удивлявшую всех способность чувствовать всякого рода аномалии. Будучи еще подростком, я точно указывал, где за стенкой у соседей стоит отопительная батарея. Позже юношей я мерил бабушке давление обрубальным кольцом на шерстяной нитке, круговым движением ладоней снимал головную боль.

А в студенческие годы научился владеть так называемой «волшебной палочкой». На преддипломной практике с помощью остружанного ивового прутика я обнаружил под полом Останкинского дворца в Москве старые водосточные трубы. Этот древний дренаж многие годы не могли отыскать археологи и архитекторы-реставраторы.

Но здесь моих биофизических талантов явно было недостаточно — то, что ощущали мои пальцы, не походило ни на что, с чем я имел дело раньше. Здесь, безусловно, надо было действовать инструментально. Я распа-

ковал магнитометрическое оборудование, забил в землю шупы-электроды, разложил на траве провода и включил приборы. Счетчики шелкнули, их зашкалило — мощность аномалии была слишком высокой. Но удивительное дело: стоило только отнести хотя бы один прибор в сторону, стрелки сразу же возвращались к нулю. Это могло означать лишь одно — источник излучения был локальным, почти точечным.

В те годы я был фанатом геоизифики, считал ее королевой поисковой геологии, увлекался разными дистанционными методами. Однако, конечно же, я сознавал: наша, геофизиков, роль, хотя и первая, но не основная — мы только обнаруживаем, находим. А вот доставать, добывать мы не можем. И этот случай не был исключением. Никакие самые современные пеленгующие методы не могли заменить простого и безошибочного способа — «пощупать» землю руками. Так уж устроен человек...

Значит, нужен был шурф, нужно было бурение — что тут было еще делать без него? Но труднее для меня задачу и придумать было нельзя. Наша экспедиция имела в том году ряд срочных сдаточных объектов. А на выполнение того заурядного задания, на которое я в тот день ездил, мне даже помощника не дали. И если бы я пришел к начальству с еще новым делом, меня послали бы подальше.

Вот так я стоял, размышлял, но вдруг что-то прервало ход моих мыслей. Мне почудилось: что-то случилось. Я подбежал к приборам. Так и есть — стрелки стояли на нуле. Что за черт? Я покрутил регуляторы настройкой, переключил тумблеры гравиметрии, но ничего не изменилось. Аномалия исчезла.

Очень странно. Можно было усомниться в собственных ощущениях, но приборы... Я прислонился к копоту машины, достал пачку сигарет, закурил. Что делать? Наверно, пора смаывать удочки. Я докурил, загасил каблуком окуроч, потом подошел к шупам, выдернул один и хотел было уже разобрать проводку, но, случайно

бросив взгляд на магнитометр, чуть не вскрикнул от удивления — стрелка снова подпрыгнула. Источник таинственного излучения снова ожил.

Не менее часа просидел я у загадочной аномалии, ведя замеры необычного магнитного поля. Его изменение оказалось строго периодичным: каждые 7,38 минуты исчезало и каждые 1,42 минуты появлялось вновь. Насколько мне было известно, ничего подобного никто никогда в природе не наблюдал, никакие известные магнитные аномалии не вели себя таким вот загадочным образом.

Это уже могло заинтересовать мое экспедиционное начальство и заставить его выделить мне помощь. Что было еще здесь делать? Я собрал приборы, погрузил их в машину и отправился домой.

На следующее утро в Управлении экспедиции царил обычная деловая суета. В длинных коридорах стоял столбом табачный дым, и громким птичником разносился гул неразборчивых голосов. Поисковики и разведчики, командированные и полевики, буровые мастера, крановщики и шоферы громко обсуждали свои злободневные проблемы, спорили, выбивали у снабженцев транспорт, горячее, буровые инструменты, трубы.

Начальник встретился мне в приемной своего кабинета. Он, как положено, куда-то спешил и мое сообщение о необычной находке выслушал на ходу и без всякого интереса.

— Точечная аномалия, говоришь? — произнес он, думая о чем-то своем. И, поглядев куда-то в сторону, добавил: — Никакого промышленного значения не имеет.

Однако, столкнувшись с моим погрузневшим, но настойчивым взглядом и поняв, видимо, что в данном случае так просто от меня ему не отделаться, улыбнулся краем губ:

— Ладно уж, бери КШК и больше ко мне не приставай. Только смотри, на один день. Лабораторию сделаешь на полигоне, Елене Геннадьевне скажи, я велел. Пока!

Копатель шахтных колодцев (КШК), конечно, не очень подходил

для серьезных дел: сил у него мало — и глубины большой он не дает, но настоящего бурового станка все равно не допросишься. Поэтому, давно привыкнув удовлетворяться тем, что дают, я спорить не стал, махнул рукой и пошел оформлять заявку.

На следующий день с буровиками Николаем Сергеевичем и Рудиком мы приехали к тому таинственному месту. Подкатили КШК к точке бурения, развернули, и вонзили шнек в землю. Сначала лопасти выбросили на поверхность сухую суглинистую почву, потом пошла плотная серая супесь, а за ним темный илистый песчаный грунт. Это был аллювиальный песок, принесенный сюда миллионы лет тому назад давно ушедшей отсюда далеко на восток прарекой Ухтой. Здесь в этом песке где-то и лежало загадочное тело с пульсирующим излучением.

Первый шурф не достиг расчетной глубины. Рабочие нарастили шнек и снова погрузили его в грунт. Однако второй шурф тоже не попал, куда было нужно — шнек переуглубился и прошел мимо уровня аномалии.

— То недолет, то перелет, — огорчился я и стал перекладывать сеть геофизических проводов и шупов. — Сейчас новую подсечку сделаем.

— Это тебе не окуня ловить, — заворчал Николай Сергеевич. — Мы так с твоими артиллерийскими пристрелками ничего тут не заработаем. Давай последнюю точку, и кончаем эту волюнку.

Я опять переставил приборы, установил измерительный зонд и наметил ось новой разбурки.

Но и третий шурф оказался неудачным, хотя прошел где-то совсем рядом.

— Ладно, бери лопату, полезли вниз, — сказал я Рудику, — старый ручной способ вернее.

Мы спустились в шурф, установили крепеж, чтобы земля не обвалилась, и работа закипела. Лопата за лопатой, метр за метром прощупывали мы стенки шурфа. Николай Сергеевич подстраховывал нас с поверхностью и оттаскивал ведра с землей.

— Кладоискатели! — недовольно сказал он. — Зря время только теряем.

Проработали мы около часа и ничего не нашли. Потом собрались уже из шурфа вылезать, как вдруг Рудик закричал:

— Есть клад!

Я быстро повернулся к Рудику и ткнул свой ломик в стенку шурфа — туда, где торчала его лопата. Ломик звонко стукнулся о что-то твердое. Мы стали осторожно расчищать участок расположения таинственного тела черенком лопаты, чтобы не поцарапать, прощупывали его края и окапывали со всех сторон.

— Сергеич! — крикнул я. — Спусти-ка нам сюда пару досок.

Получив сверху доски, я воткнул их в песок и сказал Рудику:

— Давай, подкапывай снизу. Потихоньку только.

Прошло еще несколько минут, и загадочный предмет в стенке шурфа зашевелился. Потом он потерял равновесие, качнулся, выскользнул на доски и почти бесшумно рухнул на утоптанное дно шурфа.

— Эй, что там? — закричал сверху Николай Сергеевич.

Я не ответил, снял рукавицы и медленно одними пальцами стал очищать упавшее тело от влажного глинистого песка.

Это был обыкновенный камень, ничем не отличавшийся от простого булыжника. Подняли его наверх, рассмотрели внимательнее. Твердая темно-коричневая многогранная поверхность неправильной формы, вес — килограммов восемь-десять.

— Чухня какая-то, — ругнулся Рудик. — Целый день потеряли из-за такой ерундовины.

— Не скажи, — возразил я. — Разве не чудо — одиночный камень в сплошном песке. Сколько и кто бы тут ни бурил, всегда шла только глина или песок. А камень первый раз встретился. Откуда ему тут быть? Очень странно...

— Хватит, кончайте треп, поехали, — заторопился Николай Сергеевич, — надеюсь, никто не собирается пачкать нашу КШК этой булыгой?

— Не только собираюсь, но сейчас это и сделаю, — ответил я, — и вы довезете меня с ним до полигона, где мы его сдадим на исследование. Еще посмотрим, что это за простая булыга...

До полигона мы добрались поздно вечером. Сбросили камень во дворе лабораторного корпуса и поехали в поселок по домам.

В девять утра я был уже на полигоне. Заведующая лабораторией Елена Геннадьевна сама взялась провести все необходимые опыты.

— Просквозим ваш камень ультразвуком, изотопом, рентгеном, — сказала она, — и загадки никакой не будет, узнаем точно, что это у него там внутри.

Я затащил камень в операторскую, а сам вернулся в кабинет заведующей. Сел за стол у окна и, чтобы отвлечься и укоротить ожидание, стал заниматься обработкой полевых материалов, скопившихся за последнюю неделю. Но делать ничего не мог. Походил по комнате, выкурил сигарету, опять сел. Поймал себя на мысли, что волнуясь точно так же, как тогда в больнице, возле рентгеновского кабинета, где решалась судьба отца...

Мучительно долго тянулось время.

Наконец дверь операторской открылась, и вышла Елена Геннадьевна.

— Ну что, нашли что-нибудь? — бросился я к ней.

Она посмотрела на меня долгим изучающим взглядом, потом присела на край стола и косо усмехнулась:

— Ну, и что, шутничек, долго будем шуточки разыгрывать? Вроде бы серьезный человек, геофизик...

— Что такое? В чем дело? — не понял я.

— А в том, что в вашем камне ничего нет. Ровным счетом ни-че-го!

— Как так ничего? — воскликнул я. — Откуда же тогда магнитно-гравитационное излучение, да еще такое сильное?

— Вот этого я не знаю, — Елена Геннадьевна пересела в кресло за свой рабочий стол и сказала с улыбкой. — А не пригрезилось ли вам что-то? Или, может быть, вы с друзьями вчера лишней бутылкой побаловались. Со

своей же стороны повторяю: ни рентгенологическое, ни изотопное, ни ультразвуковое обследование ничего не обнаружило. Камень однороден во всем его объеме. Никаких включений там нет, тем более, каких-то там приборов-излучателей.

Я насупил, поник головой, огорченно поджал губы. Долго молчал. Поднял голову.

— Вот невезуха! — сказал я, потом опять помолчал и с надеждой спросил: — Но, может быть, плотность какая-то особая, а? Состав химический или физический необычен?

— Камень, конечно, для своих размеров несколько тяжеловат, — ответила задумчиво Елена Геннадьевна. Потом с насмешкой добавила: — Вы что же, предполагаете, что этот камень — метеорит? И у вас, наверное, есть какая-нибудь захватывающая дух гипотеза?

Я усмехнулся, на мгновение задумался, потом взял из угла комнаты стул, подсел к столу и неожиданно спросил:

— Вы когда-нибудь видели, как на побережье работает морской маяк?

— Ну конечно, горит-горит, затем гаснет на время, потом опять зажигается. Это для того, чтобы мореплаватели не спутали его с уличным фонарем на набережной. — Она улыбнулась и внимательно пригляделась ко мне. — А-а-а, теперь я понимаю причину вашего волнения. Вы большой научный фантаст, точнее, фантазер. Ну, конечно же, вы предполагаете, что это космический маяк, не так ли?

— Вот именно! — Я достал из бокового кармана куртки сложенную гармошкой длинную узкую перфоленту, развернул ее и вытянул на столе. — Это сейсмограмма, которую я снял в поле. Смотрите, с какой строгой периодичностью повторяются пики и паузы излучения. Прямо какой-то «пульсар» или радар. Но и этого мало: в каждом периоде интенсивность поля изменяется по какому-то необычному закону. Видите, вверх-вниз, сначала плавно растет, потом падает. То ли синусоида, то ли что-то другое. А вот рядом прослеживается еще один

сигнал, уже другой частоты и силы. И тоже пульсирующий.

— Что же это значит? — спросила посерьезневшая Елена Геннадьевна, внимательно разглядывая зубчатые графики.

— А то, что перед нами не просто маяк или дорожный знак, вероятно, указывающий звездолетам направление движения. Это еще и информационный пункт, сообщающий путникам необходимые сведения! Может быть, именно так космонавты на ходу «заправляются» знаниями об окружающих звездах, планетах и так далее.

— В общем, информационно-заправочная станция обслуживания в космосе, — снова усмехнулась Елена Геннадьевна, — и это в простом-то кремнистом камне. Ничего более солидного ОНИ придумать не могли. Такая наивность!

— Не верите, — огорчился я. — Но почему вземные цивилизации должны обязательно быть похожими на нас и строить всякие сложные и громоздкие молибденово-титановые межпланетные сооружения? Почему не наоборот, чем выше уровень развития цивилизации, тем она проще?

— Ах, оставьте, — отмахнулась Елена Геннадьевна. — Неужели вы всерьез думаете, что все эти ваши сигналы что-то означают?

— Как хотелось бы это узнать, — вздохнул я. — Но, увы, наверно, это невозможно. Кто мы такие? Мы — неандертальцы, которым попала в руки напечатанная в типографии книга. Вот мы смотрим на нее и догадываемся: систематическое расположение знаков что-то означает. Но что? Прочесть ничего мы не можем, не пришли еще нам время быть грамотными.

Елена Геннадьевна встала из-за стола и, глубоко погрузив руки в карманы халата, стала медленно расхаживать по комнате. После долгого молчания она остановилась передо мною и сказала решительно:

— Когда мало знаешь, то много предполагаешь. Нам даже минералогический состав камня неизвестен. Надо хотя бы геохимическое и физическое обследование провести, а по-

том уж фантазировать. Давайте-ка, начнем со статистической нагрузки. Помогите поставить объект на установку.

Прошли в операторскую. Я поднял камень, подтащил его к стоявшей в середине зала станине, уложил под пресс и закрепил струбцинами.

— Давление давайте постепенно, — попросил я Елену Геннадьевну.

— На всякий случай поставим опыт на программное управление, — ответила она, — пусть нагрузка растет автоматически. А сами от греха подалее уйдем.

Мы вышли из лаборатории и направились к лесу. Прошли по хорошо утопанной дорожке к сложенной из двух бревен скамейке, сели. Елена Геннадьевна с хитрецей взглянула на меня и сказала:

— Я бы в ваших фантазиях пошла дальше. Почему не предположить, что этот камень — послание из Вселенной, инопланетный привет к метеоритной упаковке, письмо в каменном конверте. Разве не эффектно?

— Вы зря смеетесь, — ответил я. — Ведь действительно, вполне может быть, что потенциально возможные инопланетяне никогда и не собирались посещать Землю сами. Они могли неким узконаправленным лучом, вроде лазера, «зарядить» камень-метеорит прямо со своей планеты. Или... Еще смелее: этот простой булыжник и есть форма существования самой инопланетной материи. Почему не предположить, что какая-либо высококоразвитая цивилизация (или даже

то, что осталось от нее после гибели) существует лишь в виде такого вот мощного магнитно-гравитационного поля, посылающего информационные сигналы во Вселенную? Возможно? Да! Мы еще ничего не знаем.

Я замолчал.

В этот момент воздух разорвал оглушительный взрыв. Деревья на опушке леса склонились почти до земли, сверху градом посыпались сухие ветки, листья. Мы с Еленой Геннадьевной бросились к полигону. Сюда же, к зданию лаборатории, где вылетели все стекла в окнах, со всех сторон бежали люди.

— Никого не пускайте, — громко крикнул я, вырвавшись вперед. Всех обогнав, я вошел в здание и закрыл дверь на засов. Взглянул на контрольные приборы у входа в операторскую — никакого опасного излучения в помещении не было. Я с волнением распахнул дверь и замер — под прессом установки статических испытаний, куда я десять минут назад своими собственными руками положил камень, было совершенно пусто. Не веря своим глазам, я подошел к станине, потрогал ее руками. Камень исчез.

Опустошенный и разбитый, как после тяжелой болезни, я вышел на улицу. Небольшая толпа работников полигона потянулась ко мне, ожидая объяснения. Я повернулся к Елене Геннадьевне, развел недоуменно руками и пошел в сторону леса.

Что я мог им сказать? Что мы — неандертальцы?

ОБ АВТОРЕ:

Геннадий Разумов — известный в области инженерной гидрогеологии ученый, автор более 110 научных трудов, среди которых несколько крупных монографий и десятки авторских свидетельств на изобретения. Методики и технологии, разработанные Г. А. Разумовым, вошли во многие справочники, учебники, инструкции и пособия. С их помощью запроектированы и построены водозаборы подземных вод в разных частях бывшего СССР и за его границами.

Кроме того, Г. Разумов долгие годы работает в области журналистики и литературы. Его статьи, очерки, репортажи напечатаны во многих центральных российских журналах и газетах, таких, как «Техника-молодежи», «Наука и жизнь», «Огонек», «Новый мир», «Известия», «Независимая газета» и других. Им опубликован целый ряд научно-художественных, научно-фантастических и детских книг. Одна из них «Тонущие города» выдержала 7 изданий, 5 из них — на нескольких европейских языках за пределами СССР.

Ныне живет в Лос-Анджелесе.